

ИСТОРИЯ

УДК [316.343.652(571.16+571.513)“1875/1925”]:167

Национальная интеллигенция Тувы и Хакасии в конце XIX – первой четверти XX века: теоретико-методологические аспекты проблемы

Н.Я. Артамонова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, пр. Ленина 94, Абакан,
Республика Хакасия, Россия

lazar1918@yandex.ru

Статья поступила 20.08.2019, принята 7.09.2019

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты проблемы в рамках междисциплинарной отрасли гуманитарного знания – интеллигентоведения. Определяется ряд дискуссионных вопросов по теории и истории отечественной интеллигенции. Показаны культурно-исторические условия формирования национальной интеллигенции Тувы и Хакасии в конце XIX – первой четверти XX вв. Сделан вывод о необходимости дальнейшей разработки теоретико-методологических подходов в исследовании истории национальной интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция; национальная интеллигенция; Тува; Хакасия; интеллигентоведение; теоретико-методологические аспекты.

The national intelligentsia of Tuva and Khakassia at the end of the 19th - first quarter of the 20th centuries: theoretical and methodological aspects of the problem

N.Ya. Artamonova

Khakass State University named after N.F. Katanov; 92/1, Lenin Ave., Abakan, Russia

lazar1918@yandex.ru

Received 20.08.2019, accepted 7.09.2019

The article discusses the theoretical and methodological aspects of the problem in the framework of the interdisciplinary branch of humanitarian knowledge – the research of intelligentsia. A number of debatable questions on the theory and history of the domestic intelligentsia are determined. The cultural and historical conditions of the formation of the national intelligentsia of Tuva and Khakassia at the end of the 19th - first quarter of the 20th centuries are shown. The conclusion about the need for further development of theoretical and methodological approaches in the study of this problem is made.

Keywords: intelligentsia; national intelligentsia; Tuva; Khakassia; research of intelligentsia; theoretical and methodological aspects.

Тема интеллигенции в отечественной историографии в настоящее время сохраняет свою актуальность, хотя по сравнению с 1990-ми годами несколько утратила былую приоритетность. Существенное влияние на историков оказали изменения в методологии исторической науки, в связи с этим возрос интерес ученых к постановке теоретико-методологических проблем интеллигенции,

принципиально новых историографических концепций, основанных на комплексном междисциплинарном подходе. Серьезную и продуктивную работу по изучению истории интеллигенции продолжает Межвузовский центр РФ «Политическая культура интеллигенции, место и роль в истории Отечества», созданный в начале 1990-х гг. при Ивановском госуниверситете. Ежегодно про-

водимые центром республиканские и международные научно-теоретические конференции до сих пор собирают исследователей-интеллектоведов со всей России, ближнего и дальнего зарубежья (Украины, Белоруссии, Казахстана, Китая, США и других стран), воссоздавая таким образом «единое интеллектуальное пространство» в рамках России [1, с. 6,7]. В результате интенсивного поиска новых теоретико-методологических и историографических подходов к истории отечественной интеллигенции в научный оборот вошло понятие «интеллектоведение», сформировавшееся в междисциплинарную отрасль гуманитарного знания. Интеллектоведение с теоретической точки зрения «представляет собой научное направление, совокупность различных подходов к исследованию интеллигенции», а особенностью интеллектоведения является то, что оно имеет собственный предмет исследования – интеллигенцию [2, с. 123]. Именно в рамках интеллектоведения в настоящее время ведется большинство исследований по истории интеллигенции. Объект исследования стал более сложным, расширилась сфера его познания, и его изучение требует применения методов различных, в первую очередь гуманитарных наук. Ценным методологическим инструментом получения нового знания в области интеллектоведения является междисциплинарный подход, основанный на органической связи традиционных методов исторического анализа с методами философии, социологии, культурологии, психологии и других гуманитарных наук. В совокупности они дают целостное представление о предмете исследования.

В настоящей статье нет детального анализа научных работ по данной проблеме, затронуты лишь отдельные дискуссионные аспекты теоретико-методологического характера. К числу приоритетных методологических категорий, которые дискутируются современными интеллектоведами, относится интеллигенция, понятие спорное и неоднозначное. Научные дискуссии 1990-х гг. – начала XXI в. не привели к выработке такого определения, которое устраивало бы всех ученых. Некоторые рассматривали интеллигенцию только через призму своего исследования и предлагали собственные трактовки этого понятия. Более того, в некоторых публикациях предлагаются новые термины взамен понятия «интеллигенция» – духовная элита, специалисты (Л.Н. Коган), интернет-интеллигенция (И.В. Сибиряков), интеллектоид (Дора Штурман), образованцы (А.И. Солженицын). Наиболее распространенное, традиционное понятие ставит во главу угла такой критерий, как занятие профессиональным умственным трудом и наличие определенного уровня образования, но в основном сообщество интелли-

гентоведов при объяснении понятия «интеллигенция» придерживается социально-профессиональных и нравственно-этических характеристик.

Конкретные исторические события 1990-х гг. – начала XXI в. усилили интерес исследователей к национальной интеллигенции, ее облику, существенным качествам в разные периоды истории, историческим корням. Новые серьезные прорывы (методологического плана), по мнению известного ученого-интеллектоведа В.С. Меметова, возможны лишь в том случае, «если мы наряду с дальнейшим изучением дореволюционной, советской и постсоветской интеллигенции обратим свои взоры к истокам ее зарождения, формирования и развития» [3, с. 4].

На примере национальной интеллигенции Тувы и Хакасии конца XIX – первой четверти XX вв. попытаемся рассмотреть некоторые аспекты теоретико-методологического характера. Что означает, например, термин «национальная интеллигенция»? Какова специфика и культурно-исторические условия формирования национальной интеллигенции? От правильной интерпретации терминов «интеллигенция» и «национальная интеллигенция» зависит достижение поставленной цели.

Надо сказать, что в Сибири и прежде тема национальной интеллигенции находила отражение в исторических трудах, но исследователи отдавали предпочтение истории советской национальной интеллигенции в рамках формационного подхода. В некоторых работах в качестве «довеска» иногда давалась краткая история дооктябрьской интеллигенции. Таким образом, нарушалась преемственность в истории отечественной интеллигенции, наблюдалась прерывность в процессе ее формирования.

Большой вклад в изучение советской интеллигенции национальных районов Сибири внесли ученые из Бурятии, Якутии, Тувы, Хакасии. В Туве первые значимые публикации посвящались проблемам образования, культуры и здравоохранения. Начало этому положили статьи С.К. Токай Х.А. Анчимаа – деятелей, принимавших непосредственное участие в культурном строительстве Тувинской народной республики, затем Тувинской автономной области [4; 5]. В советский период ученые Тувы интересовали проблемы количественного роста интеллигенции, социального пополнения данной группы, подготовки кадров в период социалистического строительства [6; 7].

В числе первых исследователей советской интеллигенции Хакасии можно назвать С.П. Ултургашева [8]. В дальнейшем ученые занимались исследованием различных направлений культурного развития, не выделяя из истории культуры Хакасии в качестве предмета изучения национальную интеллигенцию [9].

В настоящее время исследования по истории интеллигенции национальных районов Сибири стали разнообразнее и богаче в теоретическом и методологическом плане, но дореволюционный период до сих пор остается недостаточно изученным. Правда, определенных успехов в этом достигли ученые республик Бурятия и Саха (Якутия) [10; 11].

Изучение научной литературы по теме дает основание полагать, что история формирования интеллигенции коренных народов Тувы и Хакасии в качестве самостоятельного предмета исследования изучается мало. Причину этого тувинские ученые, например, видят в том, что национальная интеллигенция Тувы является «относительно новым социальным феноменом», и она «не могла породить такой массы литературы, как русская интеллигенция» [12, с. 7]. В настоящее время в Республике Тыва этой проблемой вплотную занимается Р.Ш. Харунов [12]. Ценность его исследования заключается в том, что он связывает процесс формирования новой тувинской интеллигенции не только с политикой выдвигенчества и акцентирует внимание на участии в этом процессе буддийского духовенства.

В Хакасии последние два десятка лет исследованием истории интеллигенции занимаются Н.Я. Артамонова, Н.А. Данькина [13; 14]. В то же время, анализ научных исследований свидетельствует о том, что, по существу, нет работ, раскрывающих теоретико-методологические основания по проблемам национальной интеллигенции Хакасии. Отдельного упоминания заслуживает монография Н. Данькиной, появление которой одновременно с точки зрения существующей историографической ситуации в национальных районах Восточной, а также Южной Сибири. Автор ставит задачу осуществить «анализ ключевых проблем историографии формирования и становления интеллигенции Восточной Сибири» [15, с. 10]. В ее работе уделяется внимание и методологическим основам понятий «национальная интеллигенция», особенностям ее формирования в отечественной историографии.

На самом деле, поскольку еще не сформировалось понятия «интеллигенция», трудно дать объяснение такому понятию, как «национальная интеллигенция». Национальная интеллигенция, как и интеллигенция вообще — понятие историческое. Его смысл, содержание, истоки, условия формирования, функции в разные исторические периоды неодинаковы. Поэтому к данному понятию нужен конкретно-исторический подход, утверждение которого является необходимым условием для понимания интеллигенции, «этого сложного и динамичного социально-нравственного феномена, его роли и места на различных

этапах развития российского общества, в том числе и в современных условиях, поиска выхода из общественного кризиса» [16, с. 30].

Проблема национальной интеллигенции достаточно сложна. Определить специфику и направление происходивших изменений в жизни и деятельности интеллигенции поможет деятельностная концепция, важность которой всегда подчеркивал известный исследователь культуры и интеллигенции В.Т. Ермаков. Он выделяет три аспекта, на которые исследователям стоит обратить внимание: «а) исполнение различными отрядами интеллигенции своего профессионального долга; б) гражданскую позицию интеллигенции, т. е. исполнение ею своего гражданского долга служения народу, родине, высоким идеалам; в) характеристику морального и нравственного “поведения” интеллигенции». Именно на этом участке исторического познания, по мнению ученого, исследователей ждут реальные достижения. [18, с. 19]. Думается, что применение хронологического, сравнительно-исторического, историко-биографического, ретроспективного и других методов исследования в совокупности помогут изучить процесс формирования и становления национальной интеллигенции, связать этот процесс с событиями и явлениями российской истории, т. е. отойти от односторонности в освещении истории национальной интеллигенции, традиционных представлений об интеллигенции дооктябрьского периода. Применение же критического метода позволит объективно оценить труды предшественников, т. е. историков советского периода, которые подходили к раскрытию проблемы с классовых позиций.

Что касается Тувы и Хакасии, то, несмотря на соседствующее положение, они имели разные исторические судьбы. Тува с 1757 г. находилась под манчжуро-китайским гнетом и в конце XIX — начале XX вв. представляла собой отдаленную провинцию Цинской империи. Основным занятием тувинцев было кочевое скотоводство, поэтому их материальная и духовная культура сложилась в соответствии с кочевым образом жизни. Исследователи отмечают «своеобразный, неповторимый характер духовного мира» тувинцев, который нашел отражение в произведениях литературы и искусства. До наших дней сохранились воспоминания об одаренных музыкантах и сказителях и произведения устного народного творчества. Р.Ш. Харунов объясняет это распространением буддизма, благодаря которому развивались духовное образование, монгольская письменность, тибетская медицина и искусство [12, с. 21, 22]. К началу XX в. в традиционном тувинском обществе выделилась определенная группа лиц, а именно духовенство, которое стало «самостоятельной со-

циально-политической силой, духовной элитой, со своей иерархической структурой и экономической независимостью» [12, с. 23]. Важную роль в подготовке духовной элиты тувинского общества играли хурээ (монастыри). Эти образовательные центры давали ламам знания в области образования, медицины, духовного наставничества. В крупных хурээ обучали буддийской танкописи (иконографии), стихосложению, каллиграфии, архитектуре и скульптуре, и кроме того, ученики изучали обязательные дисциплины [12, с. 24].

Буддийская сангха, будучи самой образованной частью тувинского общества, занималась культурно-просветительской деятельностью. Ламы писали трактаты, книги, внедряли в сознание тувинцев нравственные ценности, формировали религиозное мировоззрение.

Р.Ш. Харунов выделяет две группы тувинской интеллигенции — духовную, которая состояла из образованных лам, и управленческую, представленную чиновниками, которые имели буддийское образование. Для Р.Ш. Харунова термин «интеллигенция» в данном случае условный, и он делает осторожную оговорку, что применяются термины «протоинтеллигенция» или «прединтеллигенция» [12, с. 28]. Именно так «терминологически» предложил обозначить предшественников российской интеллигенции XVIII–XIX вв. В.С. Меметов [3, с. 5]. Однако четких критериев для отбора в прединтеллигенцию в отечественной историографии до сих пор не выработано. Эта категория населения в Туве еще не сложилась в массовый социальный слой, но, поскольку ей соответствовали определенные качества интеллигенции, вполне уместно отнести духовенство к так называемой прединтеллигенции. Согласно концепции В.С. Меметова, прединтеллигенцией можно считать «относительно широкий слой грамотных, образованных людей своей эпохи, активно участвующих в объединении русских земель вокруг Москвы, в создании сильного централизованного государства, в развитии экономики, образования, литературы, искусства, общественно-политической мысли» [19, с. 19]. С подобной интерпретацией ученого можно согласиться частично. Нельзя с точностью определить время, когда заканчивается период «прединтеллигенции» и начинается эпоха интеллигенции, например, у коренных народов Сибири. Но совершенно ясно, что каждому историческому периоду соответствует свой интеллектуальный слой общества. В настоящее время этот термин используется в интеллигентоведении и вошел в научный оборот, но также, как и термин «интеллигенция», он не имеет однозначного определения и требует дифференцированного подхода, в частности, по отношению к национальной интеллигенции Тувы и Хакасии, которая начала

формироваться в конце XIX в. Предпосылкой для формирования интеллигенции Тувы, по мнению Р.Ш. Харунова, являлся начавшийся процесс модернизации, который вместе с русскими переселенцами внес элементы капитализма и иной культуры [12, с. 27].

Наиболее четкое определение понятию «прединтеллигенция», на наш взгляд, дал М.Н. Бухтияров: «Прединтеллигенция — это совокупность лиц, исполнявших какие-либо управленческие обязанности, так или иначе сопряженные с умственным трудом, обычно связанные с владением грамотой, и действовавших в тот исторический период, когда в данном регионе еще отсутствовала разветвленная образовательная система, и книжная ученость оставалась достоянием ограниченного круга лиц» [20, с. 3].

С образованием в 1921 г. Тувинской народной республики (ТНР) молодому правительству в социальных, культурных, экономических преобразованиях пришлось опираться на ламство и старый чиновничий аппарат. По мнению тувинских исследователей, в период с 1921 по 1929 гг. в основном сохранялись принципы традиционного сотрудничества власти с религией. Учитывая тот факт, что подавляющая часть населения Тувы была неграмотной, к управлению государством привлекалась образованная часть духовенства [12, с. 38]. То есть проявлялась некая лояльность правительства ТНР по отношению к религии и религиозным деятелям. Бывшие нойоны и ламы могли быть членами Тувинской народно-революционной партии. Немало руководящих работников периода ТНР — это представители духовной интеллигенции [12, с. 29, 31]. Состав первых трех правительств ТНР имел буддийское образование. Учеником монгольского ламы был первый председатель Совмина ТНР Монгуш Буян-Бадьргы. Куулар Дондук, второй председатель, был одним из ведущих лам Верхнечаданского хурээ, а третий председатель, Сат Чурмит-Дажы, учился в Верхнечаданском хурээ [21, с. 100]. И таких примеров можно привести множество.

В советской историографии считалось, что в Туве «не существовало проблемы перевоспитания старых кадров интеллигенции, так как до революции их практически не было» [22, с. 440]. Современные исследователи считают иначе — просто духовной интеллигенции отказывали в праве на существование, и «появление интеллигенции связывалось лишь с моментом образования Тувинской народной республики» [12, с. 32].

В период с 1929 по 1944 гг. сотрудничество сменилось репрессиями против духовной интеллигенции Тувы, поскольку она представляла реальную политическую силу, способную противостоять новой власти [12, с. 38].

Культурно-исторические предпосылки формирования национальной интеллигенции Хакасии были иные, чем в Туве.

В инородческие (хакасские) улусы капиталистические формы хозяйства проникали очень медленно и сосуществовали с патриархально-феодальными отношениями. Что касается народного образования, то даже в пореформенный период просвещение хакасов продвигалось очень медленно. Самым главным элементом причастности к так называемой прединтеллигенции является владение некоторой грамотностью и занятие в основном умственным трудом, связанным с должностью. С большой долей условности к таковой можно отнести письмоводителей инородческих управ (Усть-Абаканской, Аскизской и др.), священников в церквях миссионерских приходов, писарей.

Грамотных хакасов насчитывались единицы. Даже в начале XX в. (1910) читать и писать в Абаканской (Качинской) управе умели 7,3% мужчин и 0,8 % женщин, в Аскизской соответственно 5,2 и 1,4 % [23, с. 52], хотя первые министерские школы в селах Усть-Абаканское и Аскиз были открыты соответственно в 1864 и 1869 гг. Большую роль в просвещении хакасов сыграли церковно-приходские школы. С изданием императорского указа об учреждении церковно-приходских школ и появлением «Правил о церковно-приходских школах» (1884) подобные учебные учреждения стали открываться в инородческих управах Минусинского округа (с 1898 г. — уезда). Притом, их основателями являлись сами инородцы. Так, в 1887 г. была открыта Усть-Есинская церковно-приходская школа (основатель — священник местной церкви С.А. Чесмочаков). В 1889–1890 гг. здесь обучались 27 детей хакасов. С 1891 г. при местной церкви функционировала Усть-Фыркальская церковно-приходская школа. Ее открытие также было результатом деятельности инородца Е.И. Иптышева, который окончил Бийское миссионерское катехизаторское училище. В 1892 г. была открыта школа в улусе Чарков, а первым учителем стал Г.И. Отыргашев, служивший в Усть-Абаканской церкви [24, с. 355]. В учебном 1908/09г. в Усть-Абаканской двухклассной школе насчитывалось уже более 100 учащихся, в 1915 г. здесь обучались 85 мальчиков и 60 девочек. В дальнейшем количество учащихся увеличивалось. Некоторые дети отправлялись учиться в Бийское миссионерское катехизаторское училище, которое готовило служителей церкви и учителей миссионерских школ. По сути, это были немногочисленные представители будущей национальной интеллигенции Хакасии. Некоторые выпускники этого училища впоследствии продолжили свою педагогическую деятельность в советской школе [25, с. 51, 54, 57, 58]. Не были исклю-

чением и женщины-хакассы (М.Е. Катанова, В.Г. Чикотаева, П.Е. Тюдешева — Аскизская степная дума), которые после окончания Минусинской женской прогимназии учительствовали в церковно-приходских школах [24, с. 356].

Красноярскую учительскую семинарию окончили инородцы Г.И. Итыгин, М.И. Райков, братья С.И. и И.И. Алановы, В.Н. Окунев. По окончании семинарии они служили учителями в школах Ачинского, Канского, Минусинского уездов Енисейской губернии. Более того, они отличались «умелым и усердным отношением к учебно-воспитательному делу, добрыми и нравственными качествами», в связи с этим награждались медалями. Так, в 1912 г. к серебряной медали для ношения на груди с надписью «За усердие» на Александровской ленте были представлены учителя Усть-Есинского одноклассного начального училища — Кирилл Ильич Шулбаев, из инородцев, состоявший на службе свыше 11 лет [26, л. 13 об., 14]; Больше-Сейского одноклассного начального училища — Гордей Отыргашев, из инородцев, православный, состоявший на службе с 24 августа 1892 г., свыше 18 лет [26, л. 14 об., 15]; Аскизского двухклассного начального училища — Василий Николаевич Окунев, из инородцев, православный, состоявший на службе с 1904 г., в течение свыше 10 лет; Соленоозерного одноклассного начального училища — Иван Кочетаев, из инородцев, православный, отслуживший свыше 15 лет [25, л. 29 об.; 26, л. 14 об., 15].

Культурно-исторические условия образования национальной интеллигенции Тувы и Хакасии, как отмечено выше, были разные. На формирование интеллигенции в Хакасии в конце XIX в. повлияли такие факторы, как христианизация, открытие разного уровня учебных заведений, политическая ссылка, длительное проживание коренного народа рядом с русским населением. Вот как писал в свое время Н.Н. Козьмин о «народнении» туземной интеллигенции: «Если “туземцы” принимали самое близкое участие в “русских” делах, то и обратно — представители русской сибирской интеллигенции близко принимали к сердцу нужды и интересы туземцев и участвовали в благоприятном разрешении наболевших вопросов их жизни» [27, с. 83]. Это способствовало тому, что в инородческих районах Минусинского уезда Енисейской губернии сформировался самый многочисленный интеллигентский слой общества — учительство. И, тем не менее, в данном случае речь идет об интеллигенции, так сказать, «штучного произведения» (следуя терминологии В.С. Меметова), поскольку национальная интеллигенция как массовая социальная группа еще не сложилась.

Основная сфера деятельности национальной интеллигенции — это наука, образование, культурно-просветительская деятельность. В инородческих волостях Минусинского уезда Енисейской губернии (Абаканская, Аскизская и др.) формирование национальной интеллигенции осуществлялось за счет обучения инородцев в университетах Москвы и Санкт-Петербурга. Так, Николай Федорович Катанов получил высшее образование в Санкт-Петербургском университете. И здесь трудно не согласиться с Н.Н. Козьминым, который утверждал, что «первые представители получившей европейское образование туземной интеллигенции... — денационализировались, растворялись в русской интеллигентной среде...» [27, с. 78]. Что, собственно, и произошло с Н.Ф. Катановым. После окончания университета он по заданию Русского географического общества осуществил многолетнюю экспедицию по территории Внутренней Монголии. Вернувшись в Санкт-Петербург, он не получил места профессора в родном университете, поэтому стал служить профессором Казанского университета. Связи Н. Катанова с родным народом, по мнению Н.Н. Козьмина, сохранялась лишь потому, что «его специальностью было изучение турецких языков и поскольку родственные узы заставляли его изредка посещать родные места». «Это был кабинетный ученый», — делает вывод Н.Н. Козьмин [27, с. 77, 78]. Иное положение сложилось у ученого-тюрколога С.Д. Майнагашева. Степан Дмитриевич Майнагашев начинал учиться в Красноярской духовной семинарии, в 1910–1911 гг. был слушателем Томского университета. Тяжелое материальное положение и непосильная плата за обучение не дали возможности учиться в Томске, и в 1911 г. он поступил на отделение общественно-юридического цикла Московского народного городского университета Шанявского и получил достойное образование [28, с.13, 15]. В дальнейшем его жизнь была тесно связана с наукой, а после Февральской революции он посвятил себя политической деятельности. В то же время, он никогда не порывал связи со своим народом и до самой смерти занимал активную и ответственную гражданскую позицию.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что национальная интеллигенция Тувы и Хакасии дооктябрьского периода еще не стала предметом специального исследования. До сих пор не разработаны теоретико-методологические аспекты проблемы. В первую очередь это касается неопределенности основных понятий «интеллигенция» и «национальная интеллигенция». Надо полагать,

что с появлением интеллигентоведения, междисциплинарной отрасли знания, поиск эффективных способов, методов и подходов в исследованиях по истории отечественной, в том числе национальной интеллигенции пойдет более успешно. Использование деятельностной концепции и применение хронологического, сравнительно-исторического, историко-биографического, ретроспективного, критического и других методов исследования помогут изучить процесс формирования и становления национальной интеллигенции дооктябрьского периода, отойти от одностороннего освещения ее истории, традиционных, чаще всего негативных, представлений о ней в советской историографии. Автор пришел к выводу о том, что культурно-исторические условия формирования интеллигенции Тувы и Хакасии в конце XIX — начале XX вв. были разные. В Туве большое влияние на культурное развитие оказало распространение буддизма. Духовенство, так называемая прединтеллигенция, внесла значительный вклад в культурное развитие Тувинской народной республики. Интеллигенция Тувы формировалась во взаимосвязи с духовенством. В Хакасии к разряду немногочисленных представителей прединтеллигенции можно отнести писемководителей, священнослужителей церковью миссионерских приходов, писарей. На формирование интеллигенции хакасского народа повлияли христианизация хакасов, промышленное развитие, соседство с русским населением, связи с политическими ссыльными. С открытием учебных заведений наиболее многочисленным представительством национальной интеллигенции становится учительство.

Литература

1. Меметов В.С., Данилов А.А. Интеллигенция России: уроки истории и современность (Попытка историографического анализа проблемы) // Интеллигенция России: уроки истории и современность: межвуз. сб. науч. тр. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 3-15.
2. Возилов В.В. Методологические принципы историко-интеллигентоведческих исследований // Интеллигенция и мир. 2008. № 4. С. 116-124.
3. Меметов В.С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции» (постановка вопроса) // Интеллигенция: провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгосударственной науч.-теоретической конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 4-7.
4. Тока С.К. Тувинская письменность — источник культурной революции в ТНР // 10 лет тувинской письменности: сб. ст. Кызыл, 1940. С. 7-13.

5. Анчимаа Х.А. 10 лет тувинской письменности и тувинские женщины //10 лет тувинской письменности: сб. ст. Кызыл, 1940. С. 21-22.
6. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
7. Иезуитов В.М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1956. 208 с.
8. Ултургашев С.П. Из истории формирования советской интеллигенции Хакасии // Уч. зап. Хакасского науч.-исследовательского ин-та языка, литературы и истории. Абакан, 1963. Вып. 9. С. 127-132.
9. Асочаков В.А. Культурное строительство в Хакасии (1917-1937). Абакан: Хакас. отд-ние Крас. кн. изд-ва, 1983. 179 с.
10. Буркина А.А., Осинский И.И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 116 с.
11. Хандархаев К.Ю. Бурятская национальная интеллигенция первой четверти XX века: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Улан-Удэ, 1999. 23 с.
12. Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. - 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2002. 238 с.
13. Харунов Р.Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской народной республике (1921-1944 гг.). Абакан: Журналист, 2009. 144 с.
14. Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (Конец XIX - середина XX вв.). М.: Прометей, 2000. 237 с.
15. Данькина Н.А. Интеллигенция Хакасии в конце XIX-30-е гг. XX в. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2004. 128 с.
16. Данькина Н.А. Историография формирования и становления интеллигенции национальных районов Восточной Сибири. Абакан: Бригантина, 2017. 160 с.
17. Веселов В.Р. О конкретно-историческом подходе к понятию «интеллигенция» // Российская интеллигенция: XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург: Урал. ун-т. С. 29-30.
18. Ермаков В.Т. Интеллигенция России в XX столетии (К постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность: межвуз. сб. науч. тр. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 16-24.
19. Меметов В.С. К дискуссии о времени появления и формирования российской интеллигенции // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1997. С. 5-24.
20. Бухтияров М.Н. Зарождение и становление донской казачьей интеллигенции (XVIII- начало 60-х гг. XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2010. 33 с.
21. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI-конец XX вв.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
22. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 482 с.
23. Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х - середина 60-х гг. XX в.) Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 308 с.
24. Кызласов Л.Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука: Изд. фирма «Восточная литература», 1993. 525 с.
25. Мохов А.Н., Мохова Л.А. Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан: Хакас. кн. из-во, 2009. 209 с.
26. Ведомости о награждении учителей и учительниц начальных училищ. 1907-1915 // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.
27. Козьмин Н.Н. Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина: этнограф. сб. / Вост.-Сиб. отд-ние Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1923. С. 72-89.
28. Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев (1886-1920) Очерк жизни и деятельности. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1999. 64 с.